Конец Атлантиды

Автор:
Кир Булычев

Конец Атлантиды

Кир Булычев

Алиса Селезнева #19

Кир Булычев

Конец Атлантиды

Глава 1

Совпадение как в романе

Солнце мгновенно поднялось над океаном, словно вынырнуло из глубины и спешило отдышаться. Оно разбрызгалось искрами по верхушкам ленивых зеленых волн, подгоняя их к песчаному пляжу острова Яп. Но волнам за ночь надоело биться о берег, и они устало облизывали полосу плотного песка, не дотягиваясь до темного вала водорослей, выброшенных штормом к столбам кокосовых пальм.

Алиса медленно шла по песку. Порой язык волны, отороченный пеной, трогал ступню. Маленькие полупрозрачные песчаные крабы деловито носились вокруг, а если на них падала тень Алисы, быстро закапывались в песок.

Алисе хотелось найти на берегу редкую ракушку или морскую звезду – утром после шторма на пляже случаются любопытные находки. Но в то утро ничего

удивительного не встретилось. Алиса прошла больше километра и видела только два пустых кокосовых ореха, обкатанный волнами кусок дерева и несколько обыкновенных ракушек каури. Директор подводной фермы Аран Сингх рассказывал, что в прошлом году ураганом на берег выбросило метровую раковину тридакну. Теперь она лежит у входа в лабораторию.

Солнце поднялось уже высоко, и стало жарко. Но купаться здесь было плохо – мелководье. Пока дойдешь до глубокого места, сто раз побьешь ноги об обросшие скользкими водорослями обломки кораллов. В отлив широкая полоса, что тянется до рифов, кажется шкурой громадной жабы.

Алиса кинула последний взгляд на море и поспешила к белому причалу, за которым начиналась глубокая бухта. Она соединялась с океаном каналом, пробитым в коралловой тверди.

Вот тут-то Алиса и увидела бутылку.

Бутылка целиком ушла в песок, наружу торчало лишь горлышко, облитое сургучом, и поэтому она сначала показалась Алисе концом палки. Но волна вспенилась вокруг горлышка, и оно заблестело. Алиса присела на корточки, разгребла мокрый тяжелый песок. Бутылка была толстой, пузатой, темной. Пока она плавала по морю, на ней поселились скользкие мелкие водоросли, покрыв ее словно чехлом. Алиса отодрала слой водорослей сбоку и подняла бутылку, глядя на нее против солнца, чтобы понять, нет ли чего-нибудь внутри.

Внутри что-то лежало. Может быть, листок бумаги.

Алиса попробовала соскрести сургуч с горлышка, но тот был как камень.

Она поднялась и побежала к причалу.

Алиса пробежала шагов сто и остановилась.

«А почему я, собственно, бегу? – подумала она. – Впрочем, торопиться надо, ведь бутылка – сигнал бедствия. Бутылки кидали с борта гибнущего корабля или с берега необитаемого острова. Правда, это бывало очень давно… двести, триста лет назад. Кто будет теперь кидать в океан бутылки? Скорее всего, шутник или

безнадежный романтик. А если бутылка настоящая, «кораблекрушительная», то за триста или четыреста лет, что прошли с тех пор, как ее кинули в волны, корабль, терпящий бедствие, давно утонул, а Робинзон умер от скуки».

Чтобы развеять сомнения, бутылку надо разбить и прочесть вложенную в нее записку. Но это будет нечестно по отношению к Пашке Гераскину. Он никогда не простит ей такого предательства. Пашка Гераскин серьезно относится к романтике и верит, что настоящие приключения в конце XXI века еще не перевелись.

Алиса поднялась на причал.

Подводный катер – батискат, который на океанской станции дали Алисе и Пашке, был пришвартован со стороны бухты. Ни Пашки, ни робота, с помощью которого они чинили сломанный манипулятор батиската, видно не было. Да и вообще причал был пуст. Директор Аран Сингх с двумя зоологами еще вчера улетел в Сидней на совещание, а остальные с рассветом ушли на батискатах и катерах в океан проверить, не натворил ли бед ночной шторм на жемчужных фермах и в крабовых питомниках.

Алиса прошла по гладким камням причала до батиската.

Он был похож на веретено, увенчанное зеленоватым куполом. Там, под куполом, Алиса и увидела своего друга. Он лежал в кресле, задрав ноги на пульт, и читал старинную книгу.

Пашка был так поглощен чтением, что не заметил, как Алиса спрыгнула на палубу батиската и присела, разглядывая длинную членистую руку манипулятора.

Все в порядке. Пока она гуляла по берегу, Пашка с роботом закончили ремонт. Так что Пашка имел полное право читать сколько ему вздумается.

Алиса откинула колпак над каютой и спрыгнула внутрь. Пашка даже бровью не повел.

Алиса поставила бутыль на штурманский столик и уселась во второе кресло.

– Что нового? – спросила она.

– По-моему, я сделал великое открытие, – сказал Пашка, продолжая читать.

– Я тоже, – сказала Алиса и подвинула бутыль ему под нос.

Пашка был невозмутим. Алисе стало обидно.

– Что за тайны! – сказала она.

Книга, которую с таким вниманием читал Пашка, была очень старой. Кожаный переплет обтрепался на углах, страницы пожелтели.

– Слушай, – сказал Пашка и перелистал назад несколько страниц. – Перевожу с английского: «… Я находился в своей каюте, намереваясь отойти ко сну, когда услышал отчаянный крик лейтенанта Робинсона. «Капитан! – кричал он. – Скорее!» В его голосе была такая настойчивость, что я решил: случилось несчастье. Стремглав я выскочил на палубу и остановился, пораженный зрелищем. Предрассветная темнота была озарена странным зеленым сиянием, которое исходило от громадного болида, что несся, прочерчивая ослепительный след по синему небу. Еще мгновение – и примерно в миле от нас болид коснулся поверхности океана и, подняв гигантский столб воды, исчез в его пучине. Он был настолько раскален, что еще минуту мы наблюдали свечение воды, словно некто опустил в воду горящую лампу. Волна, поднятая этим небесным телом, вскоре достигла нашего фрегата и была так велика, что корабль лишь чудом не лег на борт. Когда все успокоилось, мы проследовали со всей осторожностью к месту падения болида и, осветив воду фонарями, увидели, что там плавает множество мертвой рыбы. Я разрешил матросам спустить шлюпку, и они набрали несколько бочек рыбы, что послужило славным подспорьем нашему столу. Но самое удивительное случилось, когда мы поднимали шлюпки на борт, намереваясь следовать далее. Мичман Джонс закричал, что видел нечто огромное слева по курсу «Рочестера». Несмотря на то что рассвет лишь наступал и видимость была ограниченной, нам удалось понять, что упавший в океан болид настиг в невероятных глубинах некое загадочное существо, неизвестное прежде натуралистам. Это существо, достигавшее в длину ста или более футов…»

Тут Пашка перевел дух и сказал:

– Сто футов – это тридцать метров, понимаешь?

– Понимаю, – сказала Алиса. – А что ты читаешь?

Пашка заложил пальцем страницу и открыл книгу на титульном листе. Там было написано по-английски: «Отчет о плавании фрегата Его Величества «Рочестер» в Тихом океане и Южных морях в 1816–1819 годах, написанный коммодором Стэнли Рейнольдсом. Издано в Лондоне в 1822 году».

– Поняла? Это я в библиотеке фермы взял. Там много книг, но в большинстве специальные. А несколько совсем старых. Я как увидел эту книгу на полке, меня что-то кольнуло. Ты веришь в предчувствия?

– Нет.

– Ты не права, Алиса. Если не было предчувствия, почему я эту книгу взял? Почему я ее открыл именно на этих страницах?

– Случайно, – сказала Алиса.

– Иногда я подозреваю, что ты лет на пятьдесят старше меня, – укоризненно произнес Пашка.

– Дочитывай, – сказала Алиса.

Бутыль стояла перед самым носом Пашки, но тот ее не видел, сейчас для него ничего, кроме книги, не существовало.

– «Это существо, достигавшее в длину ста или более футов, – продолжал читать Пашка, – имело обтекаемое тело и длинную шею, которая заканчивалась небольшой головой, схожей с головой питона. Хвост чудовища скрывался в волнах. Так как одна из шлюпок еще не была поднята на борт, я приказал боцману и четырем матросам подгрести к чудовищу и осмотреть его подробно, соблюдая осторожность, ибо не исключено, что оно лишь оглушено. Вместе с матросами в шлюпку опустился судовой врач Р. Поткинс. Шлюпка не успела отойти от борта, как чудовище пришло в себя и, сильно ударив широким плоским хвостом по воде, скрылось в глубине.

Полагаю, что мы наблюдали таинственного морского змея, о котором ходит столько слухов между моряками».

Пашка громко захлопнул книгу и воскликнул:

– Теперь ты понимаешь?

– Что я должна понимать?

– А то, – сказал Пашка, – что известна широта и долгота этой встречи. Слушай: «После того как волнения этих минут остались позади, я приказал штурману произвести счисление места, где находился «Рочестер» в момент падения болида. Вышеописанное происшествие имело место в точке с координатами: 138 градусов 50 минут 22 секунды восточной долготы и 12 градусов 15 минут 54 секунды северной широты».

– Это очень интересно, – сказала Алиса.

На самом же деле она не вслушивалась в Пашкины слова. Она не могла дождаться, когда наконец этот романтик увидит, что перед его носом стоит самая настоящая бутылка, выброшенная на берег океаном.

– Тебе неинтересно, – сказал Пашка. – Я по голосу слышу. Ты не поняла, что от нашего острова до той точки всего сто пятьдесят миль?

– Да?

– И сегодня же мы на нашем батискате отправимся туда. Нам все равно нужно провести ходовые испытания. Мы опустимся в той точке и отыщем громадный метеорит и логово морских змеев.

– Не слишком ли много сразу? – спросила Алиса. – Прошло двести пятьдесят лет.

– Морские змеи живут дольше. – Пашка сказал это так уверенно, словно всю жизнь дружил с морскими змеями. – Но если не хочешь, я проведу испытания без тебя. А ты отдыхай, загорай… может, отыщешь неизвестный науке подвид каракатиц.

– Или бутылку, которую выбросило на берег.

– Если бы ты увидела бутылку, выброшенную на берег, – заявил Пашка, – ты бы ее не заметила. Нужно иметь особый взгляд на вещи. Тайны и открытия покоряются лишь людям моего склада.

И в этот момент Пашка поднял глаза и увидел бутылку. Он посмотрел на нее совершенно равнодушно.

– Такие приземленные люди, как ты, – продолжал он, – увидят на берегу разбитый бурей фрегат с черным флагом на бизань-мачте и скажут…

Но что они скажут, так Алисе никогда и не удалось узнать. Потому что Пашка открыл рот, а закрыть его не смог. Он протянул руку, дотронулся до бутылки, отдернул пальцы и часто заморгал.

– Э… – произнес он наконец. – Э… Это что?

– Бутылка, – сказала Алиса.

– Какая?

– С письмом о бедствии, – сказала Алиса.

– Кто? Где? – Пашка вдруг ожил, вскочил и чуть не вывалился из батиската. – Почему на борту бутылка, а мне никто ничего не рассказывает?

– Я шла по берегу, – сказала Алиса как можно наивнее, – и подумала: наверное, Пашке хочется найти таинственную бутылку. Я взяла ее и принесла.

– Ты какое имела право находить бутылку? – Пашка был в ужасном гневе. – Ты не имела права находить бутылку! Я ее искал всю мою сознательную жизнь, а ты… так просто, шла по берегу! Это неправда! Этого не может быть.

– Ну что ж, – сказала Алиса, – если бутылки не может быть, я ее отсюда унесу.

– Не смей! – Пашка схватил мокрую, в водорослях бутылку и прижал к груди как бесценное сокровище. – Ты ничего не понимаешь. Немедленно открыть!

– Зачем? – Алиса, честно говоря, получала истинное наслаждение от Пашкиной суматохи. Уж очень быстро разлетелась в клочки его спесь. – Что за спешка? – спросила Алиса.

– А если они терпят бедствие? Если они носятся по волнам на маленьком плоту?

– Где носятся? – спросила Алиса.

– В океане.

– За триста лет их унесло очень далеко, – сказала Алиса.

– Но, может быть, ее кинули только вчера!

– Разве ты когда-нибудь видел такую бутылку? – спросила Алиса. – Это же древняя бутылка!

– Где молоток?

– Молоток и все инструменты унес робот, – сказала Алиса. – Да я и не позволила бы тебе разбить бутылку, потому что она – исторический памятник.

– Это не памятник! Это сигнал бедствия!

Алиса решительно отобрала у Пашки бутылку и выпрыгнула из батиската.

Пашка побежал за ней по пирсу, потом по дорожке, что вела к зданию лаборатории, и кричал:

– Осторожнее! Ты ее сейчас уронишь!

В лаборатории была только Дороти Гомеа, очень толстая добрая полинезийка, ассистентка Сингха.

Увидев вбежавшую в лабораторию Алису и услышав топот Пашки, она сказала:

– Дети, не разбейте микроскоп, он мне еще понадобится.

– Дороти, – сказала Алиса, подбегая к ней и ставя бутылку на стол, – что это такое?

– Это бутылка, – сказала Дороти.

– Что вы еще можете сказать?

– Это таинственная бутылка, ее выбросило на берег! – закричал Пашка.

– Странно, – сказала Дороти, разглядывая бутылку, – таких давным-давно никто не делает.

Дороти осторожно перевернула бутылку и посмотрела на ее донышко. На донышке были видны выпуклые буквы.

– Видите, – сказала она, – «Фирма Спанк и сыновья. Ливерпуль».

– А что это значит? – спросил Пашка.

– Сейчас узнаем.

Дороти включила информатор и набрала на нем код.

– Я вызываю Лондон, – сказала она. – Справочную Британского музея.

Через несколько секунд на дисплее побежали строчки – справочная откликнулась. Дороти набрала вопрос: когда в Ливерпуле существовал стекольный завод фирмы Спанк, который выпускал бутылки темно-зеленого стекла вместимостью в одну пинту?

Ответ пришел немедленно: фирма Спанк и сыновья обанкротилась в 1822 году. Бутылки в пинту и полпинты она выпускала начиная с 1756 года, однако требуется более точное описание бутылки, чтобы установить год ее изготовления.

– Вот так, – сказала Дороти, разглядывая бутылку.

– Я же говорила, что бутылка страшно старая, – сказала Алиса. – Ее болтало по волнам сотни лет.

– Я не согласна с вами, дети, – ответила Дороти.

Дороти убеждена, что все, кому меньше двадцати лет, – дети. У нее своих шестеро да еще двое приемных. Ждать от нее серьезного отношения к исследователю, которому недавно исполнилось двенадцать, невозможно. Приходится терпеть.

– Эта бутылка пробыла в воде не больше года, – сказала Дороти.

– Не может быть! – возмутился Пашка. – Вы посмотрите, как она обросла.

– Вот именно, она совсем не обросла, – ответила Дороти.

Она взяла пинцет и соскоблила водоросли с бока бутылки – водоросли уже подсохли и легко отстали от стекла.

– Даже меньше года, – сказала Дороти. – В наших краях морская растительность очень активна. Если бы бутылку бросили в воду двести лет назад, вы бы и не догадались, что это бутылка. Вы бы решили, что это кусок коралла.

– Значит, – сказала Алиса, – кому-то эта бутылка попалась на глаза и он решил: давай я подшучу над любителем романтики. Пускай он решит, что произошло кораблекрушение.

– Нет, – сказал Пашка. – Эта бутылка пролежала двести лет на берегу острова. В песке. А сегодня вылезла наружу.

– Не вижу у нее ножек, – заметила Алиса.

– Не спорьте, дети, – сказала Дороти. – Мы ее откроем и все узнаем.

Она достала из стола маленький молоточек и сбила темную массу сургуча. Под сургучом была пробка. Дороти подхватила ее пинцетом и вытащила.

– Вот и все, – сказала Дороти, запуская пинцет внутрь бутылки и извлекая оттуда свернутый в трубку листок бумаги.

Она развернула его на столе.

Листок был совсем белый, почти не пожелтел. На нем была только одна строчка:

«138 50y22IE, 12 15y54IN».

– И это все? – спросил Пашка. Он взял со стола бутылку и заглянул в нее, потом потряс. Ничего больше из бутылки не выпало.

– У меня есть рабочая гипотеза, – сказала Дороти. – Хоть мне и жаль разочаровывать мальчика Пашу. На острове Гуам работают гидрологи. Они изучают морские течения. Наверное, кто-то из гидрологов нашел старую бутылку и решил отправить ее в плавание. Надо будет им позвонить и сказать, что мы нашли их письмо.

– Но почему только координаты? – спросила Алиса.

– Я думаю, – ответила Дороти, – это та точка, в которой сбросили бутылку. Если хотите, загляните в кабинет профессора Сингха, там большая карта. По-моему, это отсюда недалеко.

– Хорошо, – согласился Пашка и забрал записку. Потом взял и бутылку. – Мы ее оставим себе на память, – сказал он.

– Разумеется, – ответила Дороти. – В нее можно налить кокосовое молоко.

Пашка первым побежал к двери. Дороти крикнула вслед:

– Постойте!

Почему-то вместо того чтобы остановиться, Пашка припустил со всех ног по дорожке. Алиса вернулась. Дороти достала из ящика стола коробку шоколадных конфет.

– Возьми, девочка, – сказала она. – И своего друга тоже угости.

Алиса поблагодарила и взяла конфеты. Она не любила шоколадных конфет, но не хотела огорчать добрую Дороти. Ведь конфеты привозили сюда из Австралии или из Индии специально для Дороти, которая их обожала.

Когда Алиса вышла из домика лаборатории, Пашка уже добежал до пирса.

– Пашка! – крикнула она. – Разве ты не пойдешь смотреть на карту?

Но Пашка только отмахнулся.

Алиса пошла за ним. «Романтика тебя погубит», – подумала она.

Когда Алиса поднялась на пирс, Пашка уже влез в батискат. Он положил на пульт записку из бутылки, а рядом с ней открытую книгу о путешествии фрегата «Рочестер».

– Ты чего убежал? – спросила Алиса, спрыгивая в батискат и кладя перед Пашкой две шоколадные конфеты.

– Смотри, – сказал Пашка таким голосом, словно он только что достиг в одиночку Северного полюса.

Указательным пальцем правой руки он прижимал строчку в книге, указательным пальцем левой – записку, найденную в бутылке.

– Ты ничего не видишь?

– А что я должна увидеть?

– Тебе никогда не быть великим исследователем, – сказал Пашка. – Это же одинаковые координаты! До секунды!

Алиса сначала не поверила ему. Совпадение было слишком невероятным. Но через минуту она должна была признать, что Пашка прав.

– Ничего не понимаю, – сказала она. – Так не бывает.

– Так не бывает в обычной жизни, – сказал Пашка, – но, когда я берусь за дело, бывает и не такое.

– Во-первых, бутылку нашла я, – сказала Алиса.

– Ну и что? Если бы я не прочел книгу, эту записку ты бы выбросила.

Пашка кинул в рот одну за другой две шоколадные конфеты.

Потом спросил:

– Ты знаешь, что мы будем делать?

Алиса немного подумала и ответила:

– Наверное, мы завтра с утра поплывем в эту точку.

– Почему завтра с утра? Сегодня! Сейчас! Немедленно!

Глава 2

В подводном ущелье

Сразу уйти в море не удалось.

Путешествие займет весь день. Два часа туда, два часа обратно, и неизвестно, сколько уйдет на погружение.

Надо загрузить в батискат еду и пресную воду, проверить батареи и очиститель воздуха: погружение в море – не развлечение для детей. Пока Пашка с помощью робота проверял системы батиската, а потом раздобывал на складе скафандры для глубоководных работ, Алиса побывала в информатории, чтобы найти подробную карту морского дна того района, где они собирались искать болид, морского змея и разгадку тайны записки.

Судя по карте, глубины в тех местах были невелики – не больше пятисот метров. Правда, там проходила узкая расщелина. Больше ничего интересного – ни подводного вулкана, ни загадочной впадины…

Потом Алиса вызвала бюро прогнозов по Океании и получила прогноз погоды на сутки. Прогноз был хорошим.

Теперь – к Дороти.

– Дороти, миленькая, – сказала Алиса сладким голосом, заглядывая в лабораторию через окно.

Дороти откинула со лба прядь тяжелых черных волос.

– Что тебе, девочка?

– Мы пошли в море. Возвращение вечером.

– Не простудитесь, – сказала Дороти.

И снова склонилась над микроскопом.

Вся операция заняла полминуты. Если бы Алиса принялась просить разрешения или стала бы объяснять Дороти, что они с Пашкой хотят совершить погружение в таинственной точке, разумеется, Дороти бы никогда их не пустила и велела бы ждать возвращения профессора Сингха. Алиса же никогда не обманывала. Она сказала чистую правду. Но сказала точно так, как говорят экипажи батискатов, уходящие в океан на работу. Она не просила, а сообщила. Поставила в известность. А Дороти «приняла к сведению». Ей и в голову не пришло, что московские практиканты замышляют авантюру.

Через пятнадцать минут батискат отвалил от причала и осторожно направился по каналу к выходу в стене рифов. Ветер совсем стих, и вода в лагуне была гладкой как зеркало. Маяки на выходе из канала перемигнулись, фиксируя выход батиската, и Пашка, который вел кораблик, послал им сигнал: батискат номер семнадцать, экипаж два человека, выходит на ходовые испытания. Курс норд-ост-ост.

За рифами покачивало. Океан еще не успокоился после ночного шторма, его грудь мерно поднималась в сонном дыхании. Легкий батискат медленно и долго взбирался на вершину покатой волны, потом скользил вниз. Покачаться на волнах, конечно, приятно, но, когда у тебя дело, приходится отказать себе в удовольствии.

Пашка перевел батискат на полуполет. Два широких плавника выскочили из днища батиската, и он пошел дальше большими пологими прыжками, срезая вершины волн. Алиса откинула колпак, и теплый, упругий ветер приятно бил в лицо.

– У тебя есть версия, откуда взялась записка? – спросила Алиса.

Она понимала, что Пашка ни на секунду не поверил Дороти, будто записка в бутылке – шутка гидрологов.

Пашка ответил не сразу. Он поднял батискат чуть выше, чтобы не врезаться в большую волну, катившую навстречу.

– Я чувствую, – сказал он наконец, – что мы с тобой стоим на пороге великого приключения, может, самого большого в жизни. Но что это за приключение, я не знаю. Фантазии не хватает. Что нам с тобой известно? Точка в океане. Нам сообщили о ней капитан фрегата «Рочестер» и неизвестный, который кинул бутылку.

– Может, это случайность?

– Таких случайностей не бывает, – возразил Пашка.

– Погоди! – воскликнула Алиса. – У меня идея. А вдруг кто-то на острове уже читал эту книгу? Допустим, в прошлом году?

– Как читал?

– Пришел в библиотеку, увидел на полке старый том и прочел его. Потом подумал: дай-ка я возьму старую бутыль, напишу на записке координаты из книги и брошу ее у берега.

– Ну какой дурак мог это сделать?

– Ричи Гомеа, сын Дороти. Он очень веселый.

– Нет! – закричал Пашка. – Так быть не может! Ты отнимаешь у меня тайну! Мне надоела твоя трезвость, Алиса Селезнева! Я тебя в последний раз предупреждаю: если ты не станешь наконец романтиком, наши пути разойдутся.

– Не кричи, Пашка, – сказала Алиса. – Дай-ка мне эту записку.

Алиса еще раз поглядела на записку.

– Почерк взрослый, – сказала она. – Но если человек намерен сообщить что-то важное, зачем ему писать только координаты?

На этот вопрос Пашка отвечать не захотел. Они неслись по волнам больше часа, а потом Пашка снизил скорость, и батискат поплыл, покачиваясь, взбираясь на океанские валы и легко скользя с них. Над волнами носились летучие рыбки.

Одна из них залетела в батискат, Алиса поймала ее на пульте и выбросила обратно в воду. Потом Алиса открыла термос с чаем и достала бутерброды. Они позавтракали.

В тот момент, когда Алиса поднесла ко рту последний кусок бутерброда, раздался звонок – пульт сигнализировал, что батискат вышел в расчетную точку.

Океан вокруг был точно таким же, как и полчаса назад, – пустынным, мирным и могучим. Высоко пролетел альбатрос, летучие рыбки блестками отсвечивали под солнцем.

– Ну что? – спросил Пашка. – Начнем погружение?

Алиса задраила прозрачный колпак. Пашка начал осторожно выпускать воздух из цистерн. Заборная вода поступала в них, и батискат постепенно становился все тяжелее. Он погружался. Зеленая волна хлестнула по колпаку, в последний раз сверкнул луч солнца, скользнул по приборам, и сразу стало темнее.

Сколько раз уже Алиса опускалась в глубины океана, но всегда у нее сжималось сердце от сладкого предчувствия. Только что батискат был для океана чужим – он лишь касался воды дном. Но стоило ему уйти вглубь, как он превратился в одного из обитателей бездны, словно стал громадной рыбой или китом. И океан, такой пустой и почти безжизненный на поверхности, внутри оказывался населенным всякой живностью, которой и дела не было до батиската и тех человечков, что в нем сидели.

Сначала вода вокруг была светлой, зеленой, лучи солнца пронизывали ее. Небольшая акула скользнула рядом с батискатом, равнодушно глянув на него. Можно было различить полосы на ее боках и даже блеск маленького злобного глаза. Потом совсем рядом – только протяни руку – проплыла большая медуза, чуть шевеля длинными, почти прозрачными щупальцами. Стайка рыб слаженно совершила поворот, словно это были не рыбы, а корабли, и пошла в глубину, обгоняя батискат.

Постепенно темнота за бортом сгущалась. Пашка не спешил с погружением – он проверял приборы. Потом выпустил оба манипулятора, и длинные членистые руки высунулись по бокам батиската, раскрыли и снова сжали металлические пальцы, страшно испугав акулу. Все системы батиската работали отлично.

Алиса взглянула на приборы. Температура воды понемногу падала – лучи солнца уже не прогревали ее. Вокруг царила вечерняя синь, и рыбы, проплывавшие рядом, казались черными тенями.

Пашка включил прожектора. Большой скат, попавший в луч, взмахнул крыльями и рванулся в сторону.

Батискат опускался по спирали.

Сто метров…

Сто двадцать метров…

Сто пятьдесят метров…

За бортом полная темнота. И рыбы, что встречаются там, сами имеют фонарики и огоньки. Они никогда не поднимаются к поверхности и привыкли жить под большим давлением.

Двести метров…

Двести тридцать метров…

Алиса включила отопление, в батискате стало холодно.

Триста метров…

Четыреста сорок…

– Вижу дно, – сказал Пашка.

Он направил луч прожектора вниз.

Дно было гладким, кое-где по нему были разбросаны крупные камни. В одном месте прожектор высветил бледную морскую звезду.

И больше ничего.

– Странно, – сказал Пашка.

– А ты думал, что здесь тебя ждут?

– Ничего я не думал. Давай искать. Может, потребуется осмотреть несколько километров дна.

Пашка набрал на пульте задание для батиската: разработать оптимальный маршрут, чтобы обследовать квадрат за квадратом весь участок дна. Человеческие глаза – далеко не лучший инструмент. Приборы скорее найдут то, что таится под слоем ила.

Подумав несколько секунд, батискат двинулся вперед. Он шел зигзагами, сам избирая маршрут. На дисплее этот маршрут накладывался на карту дна.

Так прошло минут двадцать. Ничего особенного за это время не случилось. Под батискатом тянулось серое почти ровное дно. Порой появлялись его обитатели: то проползет краб, то проплывет светящаяся большая креветка с глазами на длинных стебельках, то скользнет рыба, по боку которой тянется цепочка огоньков, отчего она становится похожей на пассажирский самолет.

– Гляди! – Пашка нажал на кнопку.

Батискат дернулся и замер. Под ним в слое глубоководного ила протянулась широкая волнистая полоса, будто там проползла огромная змея.

Пашка сразу же перевел батискат на ручное управление и направил его по следу.

– Наверное, это морской змей, – сказал Пашка. – Кто еще мог оставить такой след?

Они проплыли по следу метров триста. И тут он внезапно оборвался.

– Еще одна загадка, – вздохнул Пашка.

– Похоже, – сказала Алиса, – что змей опустился на дно, прополз по нему, а потом снова поплыл.

– Допускаю, – согласился Пашка. Он не очень любил, когда кто-нибудь разгадывал загадку скорее его.

Алисе и Пашке казалось, что они уже весь день плывут в этой непроницаемой тьме, над ровным и скучным дном, где ничего интересного и быть не может. Металлоискатели батиската упрямо молчали, локаторы не показывали никаких крупных предметов. Тихо, монотонно, скучно. И с каждой минутой настроение портилось и все больше хотелось наверх, к солнцу, к зайчикам, играющим на волнах, к свежему ветру.

– Ничего здесь нет, – вдруг сказал Пашка.

– Предлагаешь подняться?

– Даже не знаю.

– Давай заглянем в расщелину, – предложила Алиса.

Она показала на почти прямую линию, что темнела на дисплее.

– Как хочешь, – ответил Пашка скучным голосом.

Он помолчал немного, потом добавил:

– Может, в самом деле гидрологи пошутили.

Трещина появилась под батискатом совсем неожиданно.

На карте она казалась узкой, но в действительности была шириной больше пятидесяти метров, и луч прожектора с трудом достигал ее дальнего края.

Стены расщелины почти вертикально уходили вниз. Приборы сообщили, что до дна двести метров.

Батискат завис над серединой расщелины и медленно начал опускаться.

– Смотри, температура воды здесь выше, – сказала Алиса.

– Всего на градус.

Лучи прожекторов отражались от базальтовых стен. Пронеслась, будто испуганная чем-то, стая крупных рыб, светя огоньками на концах усов.

Понемногу расщелина сужалась. Минут через двадцать батискат достиг дна. Здесь между стенами было не больше двадцати метров. Дно покрывал густой слой ила.

– Смотри, – сказал Пашка, – какая странная стена.

Стену пересекали тонкие полоски, словно их провели по линейке.

– Только не говори, что это следы неизвестной подводной цивилизации, – сказала Алиса.

– А это что? – Пашка направил луч прожектора на дно ущелья.

Там угадывалась гладкая каменная плита.

– Люк в подводное подземелье, где лежат сокровища, – улыбнулась Алиса.

– Не смейся, – сказал Пашка. – Мы обязаны это обследовать.

– Погоди, – сказала Алиса. – Давай проплывем еще дальше по трещине. Если ничего больше не увидим, тогда вернемся и поглядим на твой люк.

Плита, полоски… может, это ничего не значило, но Алиса почувствовала, как сердце забилось быстрее. А вдруг?..

Несколько громадных глыб, видно, сорвались в свое время сверху и перегородили ущелье. Из щели между глыбами вырвался пузырек газа и помчался вверх. За ним второй…

– Видишь? – воскликнул Пашка. – Выход газов.

Цепочка пузырьков вырвалась из-под скалы и потянулась кверху.

Батискат завис над тем местом, откуда вырывались пузыри.

– Может быть, здесь вулканическая активность? – спросила Алиса.

– Ты же сама проверяла – район сейсмически нейтральный, вулканической деятельности нет.

– Значит, здесь идет какой-то процесс с выделением метана или какого-нибудь другого газа. Это бывает, – сказала Алиса.

– Сейчас проверим, что за газ, – сказал Пашка.

Он дал команду манипулятору. Длинная рука выдвинулась из корпуса батиската. Два металлических пальца осторожно держали опрокинутую пробирку. Когда новая цепочка пузырьков вырвалась снизу, манипулятор ловко накрыл пробиркой один из них и быстро спрятался в корпус.

Алиса набрала запрос, и через минуту на дисплее появились цифры: состав газа.

– Кислород – 21 процент, – прочел Пашка, – углекислота – 1/10 процента, азот – 78 процентов – это же воздух!

– Почти такой, как наверху, – согласилась Алиса.

– И что это означает?

– Это означает, что там, внизу, – сказала Алиса, – есть полость, наполненная воздухом.

– Это невероятно! – заявил Пашка. – Я немедленно иду наружу.

– Зачем? – спросила Алиса. – Пускай манипулятор разберет завал и отыщет место утечки. Он это сделает куда лучше тебя.

– Лучше? – возмутился Пашка. – Ты больна болезнью двадцать первого века!

– Какой болезнью?

– Ты уверена, что машины все делают лучше, чем человек.

– Нет у меня такой болезни, – ответила Алиса. – Но машины для того и изобретены, чтобы делать некоторые вещи лучше человека. Быстрее и точнее.

– Но принимать решения все равно будет человек, – ответил Пашка. – В конце концов мне надоело сидеть в этой банке. Я тысячу лет не гулял по дну моря.

– Но здесь глубина почти полкилометра.

– Скафандр рассчитан на большее, ты же знаешь, – ответил Пашка. – А если тебе хочется посидеть в батискате, сиди. Отдохни, пока я буду заниматься исследованиями загадочного явления.

Пашка – великий провокатор. Об этом все в школе знают. Он может любого, даже самого спокойного человека вывести из себя, и тот, того не замечая, уже несется совершать необдуманные поступки и делать великие глупости, потому что Пашка его к этому подтолкнул. Неудивительно, что Алиса поднялась с места и сказала:

– Я пойду с тобой.

– Это неразумно, – сразу сменил политику Пашка. – Кто-то должен остаться на корабле. Мало ли какая опасность может нам угрожать?

– Какая? В этих скафандрах нам ничего не страшно.

Пашка провел батискат немного вперед, отыскал ровную площадку на дне расщелины и опустил его туда. Облаком поднялся серый ил и долго не оседал. Даже когда акванавты натянули глубоководные скафандры и выбрались через двойной люк наружу, дно было покрыто туманом. Идти было трудно. Тяжелый столб воды сковывал движения. Впереди, словно толпа чудовищ, нависли каменные скалы.

– Как ты думаешь, – раздался в шлеме Алисы голос Пашки, – а вдруг это осколки того болида, который видел капитан «Рочестера»?

Алиса не ответила, но подумала, что надо будет захватить с собой образцы этих скал. Если это болид, то состав у него будет иной, чем у породы на дне.

Снизу, со дна, скалы казались выше. Темнота сгустилась, светили только шлемовые фонари скафандров, выхватывая из тьмы острые края скал.

– Где же эти пузыри? – услышала Алиса голос Пашки. – Куда они подевались?

Пашка протиснулся в узкий проход между скал.

– Вижу! – воскликнул он.

Его фигурка в блестящем скафандре исчезла. Алиса последовала за ним.

Но оказалось, что Пашка ошибся, это лишь маленькая глубоководная медуза сверкнула в луче фонаря.

– Ну где же, где же эти пузыри? – бормотал Пашка.

– Может, они кончились? – спросила Алиса.

Они остановились, стараясь сообразить, куда идти дальше.

Алиса взобралась на большой округлый камень, чтобы оглядеться. Перед ней торчали головы и спины скал, виднелись черные провалы между ними, а дальше – темнота.

Вдруг Алиса замерла. По ущелью медленно двигался огонек. Сначала Алисе показалось, что это какая-то глубоководная рыба с собственным фонарем, но огонек был куда ярче, чем положено иметь животному. К тому же он двигался, покачиваясь в такт шагам.

Алиса сказала:

– Паша, мы не одни.

Она сказала это так тихо, почти шепотом, что Пашка не сразу понял. Было страшно, что тот, кто идет, их услышит. Хотя этот страх был глупым – ведь Пашка с Алисой переговаривались по радио.

– Что ты говоришь? – спросил Пашка, который где-то у ног Алисы пробирался по узкому проходу между скал.

– Тихо!

Пашка замер. По тону Алисы он сообразил, что произошло что-то особенное.

– Что там? – прошептал он.

– Он идет, – сказала Алиса. – Я его вижу.

– Кто?

– Не знаю.

– Тогда выключи фонарь, – приказал Пашка. – Я влезу к тебе!

Алиса послушно выключила фонарь. На нее сразу навалилась темнота. И лишь далеко впереди покачивался, медленно приближаясь, огонек.

К тому времени, когда Пашка оказался рядом с Алисой, огонек приблизился настолько, что стало ясно – это фонарь, укрепленный на шлеме человека.

– Кто это? – спросил Пашка.

Алиса не ответила. Она отодвинулась немного назад, чтобы спрятаться за выступом скалы.

– Может быть, нас ищут со станции? – спросил Пашка.

– Они бы услышали, как мы переговариваемся.

– А может, это другая экспедиция? Мало ли кто опускается на дно? Геологи, вулканологи, зоологи.

Неизвестный остановился метрах в двадцати от Пашки с Алисой и начал крутить головой, светя вокруг.

Он что-то искал.

Вдруг в свете его фонаря засверкали пузырьки воздуха. Неизвестный увидел их и подошел к тому месту, откуда они поднимались. Он опустился на корточки и начал разгребать ил. Облако ила просвечивало изнутри.

Алиса переключила шлемофон на внешний прием, и стали слышны звуки океана. Человек ударял чем-то по металлу, потом раздался удар погромче, и вдруг снизу вырвался фонтан пузырей.

Удары по металлу возобновились.

– Ты понимаешь? – прошептал Пашка, наклоняясь к шлему Алисы.

– Понимаю. И очень удивляюсь.

Любой бы удивился, увидев на дне неизвестного человека, который занимается ремонтом.

Не надо было быть гением, чтобы сообразить: здесь, под ущельем, расположена какая-то полость, наполненная воздухом. И в этой полости находятся люди.

Если бы это была научная база или лаборатория, Алиса с Пашкой узнали бы о ней еще на острове Яп, когда собирали материалы. Значит, здесь секретная база.

А это чепуха. К концу двадцать первого века на Земле уже не было не только тайных или секретных баз, но даже армий, бомб и пушек. Мысль о том, что можно убивать друг друга, чтобы отнять землю и города или навязать другим свой образ жизни, была людям двадцать первого века отвратительна. Самое главное правило: человек должен жить так, как он хочет, дружить с кем хочет, ходить и ездить куда хочет. Человек должен быть свободен. При одном условии: его свобода не должна наносить вреда другим людям. Вот этому научиться оказалось труднее всего. Но когда люди этому научились, оказалось, что число счастливых людей увеличилось в тысячу раз.

Конечно, не все люди через сто лет будут счастливыми. Такого не бывает. Останутся и обиды, и неразделенная любовь, и ссоры, и даже такие чувства, как зависть, ненависть и злоба. Не могут же все быть добрыми. Но если общество, в котором ты живешь, действует по правилам добра, то твоя злоба останется твоим личным делом. Твоя глупость – это твоя беда, твоя зависть – это твоя тревога. Мы станем терпимыми, и обязательным для всех будет чувство юмора. Улыбнитесь, будут говорить через сто лет врачи. Улыбнитесь, и вам станет легче. Такое лекарство поможет лучше любого аспирина.

– Надо его выследить, – сказал Пашка.

– Нет, – сказала Алиса. – Мы поднимемся наверх и сообщим о встрече на ферме. Пускай решают взрослые.

– Сингха нет. Дороти нам не поверит.

– Мы позвоним в Сидней.

– Постой, – возразил Пашка, – мы еще ничего не знаем. А вдруг это кладоискатель? Такой же, как я. Он тоже выловил бутылку и нашел подводную пещеру. А в ней сокровища атлантов.

Тем временем загадочный человек кончил трудиться, закрыл сумку, что висела на боку его скафандра, и, постояв немного, чтобы проверить, не поднимаются ли

пузырьки, побрел прочь.

– За ним! – прошептал Пашка, и не успела Алиса ответить, как он уже соскользнул со скалы.

Алиса съехала вниз за ним и поняла, что не знает, куда идти. Ил поднялся со дна, застилая расплывчатое пятно удаляющегося фонаря.

Ничего не видно. Ровным счетом ничего. Только в ушах неразборчивое ворчание Пашки, который наткнулся на скалу и не может выбраться на открытое место.

Конечно, надо было включить фонари, но тогда тот человек их наверняка увидит.

– В какую сторону идти, понимаешь? – спросил Пашка.

– Дай руку.

Алиса двинулась вперед, и через два шага пальцы ее перчаток натолкнулись на гладкую грудь Пашкиного скафандра. Оказывается, Пашка шел ей навстречу.

Алиса развернула Пашку.

– Видишь? – Алиса показала на пятно света впереди.

– Вижу.

И в этот момент свет погас.

– Наверное, он куда-то свернул, – сказал Пашка. – Скорее.

– Или спустился вниз. Может быть, там у него люк.

Преодолевая сопротивление воды, они поспешили вперед по ущелью и лишь тут поняли, что свет исчез не потому, что неизвестный человек скрылся, – его перекрыло громадное черное тело.

Алиса успела включить шлемовый фонарь – на нее надвигался сгусток тьмы, который издавал низкий, утробный, почти неслышный звук.

Включить-то свет Алиса успела, но бежать было поздно: черная туша навалилась на нее, черная сверкающая кожа отразила свет фонаря, сверкнул яркий черный глаз… невероятная тяжесть подмяла Алису, закрутила, прижала к камням.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kir-bulychev/konec-atlantidy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити